

**ЗАПРЕТНЫЕ
МЕМОАРЫ**





Виктор БАРАНОВ



Подготовная СМЕРШа

Откровения фронтового
контрразведчика



МОСКВА
2017



УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б24

Художник *Андрей Мозгалецкий*

Баранов, Виктор Иннокентьевич.
Б24 Подноготная СМЕРШа. Откровения фронтового контрразведчика / Виктор Баранов. — Москва : Яуза, Эксмо : 2017. — 288 с. — (Запретные мемуары).
ISBN 978-5-699-94097-4

Лишь самим смершевцам известно, как не похожа их профессия на идеализированный образ непобедимых сталинских «волкодавов», прославленных книгами и фильмами вроде «Момента истины» («В августе сорок четвертого»). Лишь заглянув «за кулисы» Главного управления контрразведки «Смерть шпионам!», понимаешь, что эффектные «силовые задержания» с качанием маятника вразножку», «финт-игрой» и стрельбой с обеих рук «по-македонски» — далеко не главное в профессии особиста. Лишь ветераны СМЕРШа могут поведать всю правду о своей тяжелой, кровавой, нередко грязной, но необходимой работе и о том, как трудно остаться на этой службе человеком, а не покорным винтиком репрессивной Системы...

Прослужив в легендарном СМЕРШе два года, автор знает всю его подноготную не понаслышке и рассказывает о буднях военных контрразведчиков предельно жестко и откровенно, без умолчаний и мифов, без прикрас. Будучи действующим офицером Комитета государственной безопасности, он не имел права издать автобиографическое произведение, но, хотя данная книга и написана не от первого лица, она абсолютно документальна, основана на реальных событиях и конкретных фактах из оперативной работы СМЕРШа.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94097-4

© Баранов В.И., наследники, 2017
© ООО «Издательство «Яуза», 2017
© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава I

ЧП В ДИВИЗИИ

Ранним февральским вьюжным утром немцы выкрали с боевой позиции двух наших снайперов-девушек. В тот день еще затемно пошел сильный снег и началась почти не прекращающаяся метель. О случившемся доложили начальству. Комдив вызвал начальника штаба, полковника Лепина, и появился приказ: расследовать и наказать виновных! Исчезновение любого военнослужащего действующей армии, особенно с переднего края, считалось чрезвычайным происшествием; и об этом докладывалось командованию дивизии, армии, фронта, а иной раз доходило до сводок Генштабу и ГлавПУ¹.

Сам по себе такой случай не заслуживал бы внимания. Что может значить исчезновение двух солдат на фоне гигантских потерь, 1943, — победного, но и самого тяжелого по людским потерям года, когда эшелоны везли сотни тысяч раненых в города Поволжья, Урала, Средней Азии, Сибири, где увечными фронтовиками были забиты больницы, школы и все другое, что только можно было приспособить под госпитали.

Но как повелось в те времена, такие ЧП могли подвергнуть сомнению донесения комдива, комполка, комбата о боеготовности части, неприступности занятого рубежа, непрестанно проводимой боевой и политической подготовки, а также (святая святых!) высокой политической бдительности.

¹ ГлавПУ — Главное политическое управление Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

сти личного состава, о чем упоминалось во многих приказах Верховного!

Политработники-фронтовики с ими же подобранным партийно-комсомольским активом, состоявшим из агитаторов, их заместителей, помощников ротных и взводных, грамотных и энергичных комсомольцев, распространителей и чтецов дивизионного боевого листка — все они, получив в использование такой факт, могли обыграть его как острую приправу к скучным догмам политпросвещения для нагнетания и без того тревожной фронтовой обстановки. И до следующего ЧП будут мусолить этот случай для воспитания у окопных масс (опять ее!) высокой бдительности, а заодно и наущничества, укрепления чувства преданности и состояния благонадежности незримой, но непоколебимой Системе.

Полковой особист из «Смерша»¹, лейтенант Кулешов, знакомясь с резолюцией начальства, понял одно: расследовать по оперативной части придется ему и никому более — снайперский взвод был приписан к личному составу его полка.

Но лейтенант страдал от зубной боли, ему хотелось залечь в блиндаже, укрыться, забыться от терзавшей с вечера боли и поэтому все кругом казалось ему мерзким и неудобным. Однако он вспомнил, что непосредственный начальник — капитан Сазонов — был строг и придирчив, особенно по части исчезновения личного состава с переднего края. И всплыл в его памяти рассказ начальника, как тот, еще будучи тоже полковым особистом, провел дознание по исчезновению из боевого охранения ефрейтора Красикова, бывшего колхозного бригадира, и установил, что ефрейтор дал уснуть своим напарникам — двум бойцам, а сам исчез с винтовкой. Как рассказывал Сазонов, была поздняя осень и он вместе с полковым разведчиком-следопытом установил по следам на заиндевевшей от первого морозца траве, что беглец драпанул в сторону противника, о чем и был составлен протокол, и доз-

¹ «С м е р ш» — название советской военной контрразведки в 1943—1945 годах (сокращение от «Смерть шпионам»).

наватели подписались под схемой-картой местности. Но не прошло и месяца, как ефрейтор был задержан где-то в тылу и осужден как дезертир. Прислали в полк и копию допроса, где Красиков указал, чтобы его не искали, и что он намеренно пошел к немецким позициям, а потом, обмотав ступни ног травой, вернулся к охранению и ушел в тыл.

Сазонов получил нагоняй от руководства, и ему пришлось писать объяснение, а потом на оперативных совещаниях часто склоняли его фамилию — до самого взятия Смоленска, когда при бомбежке погиб весь штаб дивизии, в том числе и Особый отдел с начальником, его заместителем, Зиной-секретаршей, двумя солдатами из комендантского взвода. Тогда неожиданно начальником Отдела был назначен капитан Сазонов. И, как было известно Кулешову, он ожидал майорского звания, проявлял всяческое рвение по службе, нудил и зудел по всякому поводу осипшим по разным причинам (в том числе и от употребления стограммовой «наркомовской» фронтовой) тенорком, а за любовь к пению в состоянии подпития в узком кругу офицеров штаба дивизии он получил незлобивую кличку Кенар. Но об этом он не ведал и если бы узнал, то, наверное, не обиделся бы: петь и слушать пение было его страстью. Пройдет время, и Сазонов сам вспомнит о канарейках и о родном Торжке, где он когда-то их слушал из открытого окна казенной квартиры директора школы.

К месту происшествия лейтенант Кулешов шел одетый в видавшие виды телогрейку, ватные штаны, громадные кирзовые сапоги, ничем не отличаясь от экипировки солдат, если бы не командирский широкий ремень поверх телогрейки с неизменным «ТТ» в потертой кобуре, новенькая цигейковая шапка-ушанка и через плечо щегольский, настоящей кожи планшет довоенного образца с узким кожаным ремешком. Такова была мода офицера-фронтовика третьего года войны.

Он шел с двумя полковыми офицерами-дознавателями, такими же молодыми, как и он, и очень похожими на него по одежде, но без новеньких шапок и кожаных планшетов. У каждого кобура пистолета не по-уставному с правой, а «по-

фрицевски», с левой стороны, ближе к центру живота. Это был особый шик, так носили свое личное оружие офицеры с передовой. Там никто не делал замечания, как и с какого боку носить свой «шпалер». Группа Кулешова остановилась на опушке молодого ельника. Особист присел на подломленную елочку, прямо в снег, посмотрел на трофейные часы: скоро должен был подойти и Сазонов.

В полку все знали, что особистом Кулешов стал недавно, а вообще-то был старожилом части; прибыл с дивизией с Калининского фронта, был легко ранен осколком мины, после Смоленска — командир взвода роты управления в соседнем полку и неожиданно был произведен в особисты — редкий случай для этой службы. В своем полку его уже знали, были у него и друзья, и командир роты стал уважительно величать его по отчеству, уважая за сдержанность и скромность в общении с разношерстным составом роты.

И вот неожиданный приказ, да еще и после двухнедельных сборов, где такие, как он, вчерашние взводные «ваньки» с чувством жгучего любопытства слушали то, что называлось работой органов. Может, где-то и капитально готовили «смершевцев», но громадные шестерни действующей армии перетирали сотни и тысячи средних командиров. Возможно, «особняки» (так звали их солдаты) не шли в боевых порядках пехоты и мало кто из них знал, что такое траншейный бой, но ведь были и бомбежки, артминометные обстрелы, мины на бесчисленных дорогах и тропинках переднего края, да еще много разных напастей, поджидавших человека в этой долгой войне.

Потерю взводного командира можно было восполнить бывалым сержантом, но полкового контрразведчика заменить просто другим командиром было невозможно! Это была другая епархия — свои правила, и приказы, и инструкции. Вот это, пожалуй, и усвоил лучше всего на спецсборах лейтенант Кулешов.

От того, что взводный стал особистом, было много пользы, но были и неудобства. В полку он знал многих, его тоже знали, но многие вчерашние друзья с тайной завистью гово-

рили, что его кто-то «двинул» в «Смерш» по протекции, некоторые стали заискивающе улыбаться при встречах и только двое из них, Щелгунов и Петюх, перестали замечать Сергея и демонстративно отворачивались от его взгляда.

Начальник Особого отдела дивизии капитан Сазонов появился неожиданно из низинки, густо заросшей красноталом, со своим связным, небольшого роста крепышом, и чуть поотставшим заместителем, майором Бондаревым. О Сазонове говорили разное: он был старожилом дивизии, кадровым особистом, призванным в начале войны из запаса, где учительствовал в райцентре. А вот его заместитель, пришедший из политотдела недавно расформированного корпуса, ранее работал в областном исполкоме, в каком-то особом секторе по охране государственных тайн, чем необычайно гордился среди окружения и говорил об этом, понижая голос до шепота, с большими паузами, стараясь произвести впечатление на собеседников.

Оба начальника были одеты в белые, но уже залапанные полушубки с полевыми погонами. Кулешов доложил Сазонову по форме, а потом по-неустановленному, прихватив щеку рукой: «Товарищ капитан, мочи нет терпеть, боль адская». Капитан посмотрел на него с досадой и с нажимом в голосе отчитал за нерасторопность в расследовании, чуть ли не обвинив его в том, что он повинен в случившемся. Лейтенант смолчал, зная, что оправдываться бесполезно, и, для проформы вытянув руки вдоль ватных брюк, стоял, хмуро глядя себе под ноги. Через час, когда осмотр закончился и были от руки набросаны схема и кроки местности, Сазонов как старший по должности учительским, бесстрастным тоном сказал: «Ну, кажется, ясно — уволокли наших баб отсюда: когда пошел снег, а «фрицы» (тогда только входившее на фронте в моду словечко) тут как тут: проникли в лаз, набросили петли на ноги, вытащили и... ходу на свою сторону!» И, повернувшись в сторону лейтенанта, добавил: «Ты, Кулешов, возьми объяснение у взводного Васькова, как и когда он этих девок назначил в наряд, и представь служебную записку о расследовании. Если потребуется, допроси, постра-

щей статьей 95 УК¹, если будут заператься!» Бондарев молчал, он просто не знал, что в этих случаях должен говорить он как заместитель, но ему хотелось по привычке политработника что-то сказать о потере бдительности, коварстве и вероломстве гитлеровцев и о многом другом, что было изложено в последнем Приказе Верховного Главнокомандующего к двадцать шестой годовщине Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Друзья мои, вы не знаете, чем был тогда приказ Верховного для политработника! И, пожалуй, это больше, чем Откровение Иоанна последней главы Нового Завета для фанатичного католика из глухой итальянской, французской или испанской провинции, беззаветно верящего в предсказание ужасного будущего для оставшегося человечества! Ссылка на приказ у политработника того времени была всегда готова к действию, как винтовка или малая саперная лопатка для бойца! В приказах (это был хлеб для многочисленной армии ГлавПУ) политработники черпали радость и вдохновение: они, и только они, познавшие победную теорию марксизма, могут вещать, толковать и объяснять слова и мысли Вождя, нести их в массы, как им казалось, жаждущие принять их с ликованием.

Служба в политотделе корпуса научила Бондарева ценить Приказы Верховного: часами они вдохновенно разбирали политический смысл почти каждого слова, конспектировали целые страницы развития новой сталинской стратегии по скупому, почти телеграфному тексту отдельных абзацев, выражали восхищение краткостью и выразительностью языка, умилялись ясностью поставленных задач, расшифровывали Им недосказанное!

Боевые друзья Бондарева по политотделу вместе с его начальником, полковником Храмцовым Федором Ивановичем, не дожидаясь основных разъяснений по приказу из ГлавПУ, поспешно несли в армейскую среду слово Вождя, наспех, не боясь пересола, присочиняли к нему все, что

¹ Ст. 95 УК РСФСР (старого Кодекса) об ответственности за дачу ложных показаний или отказ от показаний.

можно, начиная от классовой борьбы, укрепления рядов родной ВКП(б) и ее резерва — беззаветно преданного делу Ленина—Сталина комсомола — и многое другое по части воспитания у личного состава преданности, стойкости и отваги в борьбе с фашизмом, и еще той словесной шелупени, которая в избытке рождается у лиц, профессионально занимающихся политической работой. И когда уже иссякло политотдельское красноречие и их кустарные заготовки и армейский люд, одуревший от бесконечных повторений о гениальности Вождя, откровенно зевал и спал, — к этому времени из Москвы фельдсвязью ГлавПУ рассылал по всем фронтам, внутренним военным округам и флотам отпечатанные на хорошей бумаге методические указания, приложения и разъяснения к Приказу, и начиналось его повторное обсуждение. Эти указания и методички были разработаны квалифицированно, там все было указано: где, что, когда и в каких условиях разъяснять: Его полководческую гениальность, государственную мудрость, дар предвидения и многое другое! Так в недрах ГлавПУ рождался сказ о десяти сталинских ударах. И опять, по второму разу, согласно указанию сверху пополнялась деталями боевая деятельность соединений и частей, обрастала героическими фактами с некоторыми преувеличениями по части уничтожения гитлеровских войск, захваченных трофеев. Правда, иногда были робкие признания в попытках невыполнения приказов отдельными командирами, недостатках вождения войск в наступательных боях, взаимодействия с другими частями, но, в основном, по рекомендации тех же главпуровцев, это все объяснялось недостатком политической подготовленности, недоработкой партийных органов во фронтовых условиях.

Честно отработывая свой хлеб, фронтовой легион политработников молчаливо соглашался с выводами и рекомендациями недосыгаемого ГлавПУ. Согласно его установке политсостав Западного фронта должен был возобновлять изучение краткого курса ВКП(б). И если это было невозможно в наступательных боях летне-осеннего периода, то для политработников, уже находившихся в обороне, начиналась горячая пора: пополнение партийных рядов, политическая

учеба по расширенной программе, выпуск газеты, сборы ротных агитаторов, комсомольская работа и многое другое, что вызывало у строевых командиров глухое раздражение. Но скрытые рычаги управления позволяли направить личный состав в проторенную колею бесчисленных политических мероприятий и, как говорили в политотделе, «под завязку загрузить» личный состав идеологически.

Вот такие мысли о работе с Приказами Верховного и недавней политотдельской жизни посетили в этот момент Бондарева, и он вдруг понял, что по своему опыту работы и по старшинству звания здесь только он является единственным политически ответственным лицом. И глядя в спину капитана Сазонова, он мысленно уже искал убедительные факты для будущего доноса на своего начальника.

Глава II

МАСТЕР ДОНОСОВ

Доносы он писал давно — и всегда на своих начальников, сослуживцев и даже родственников. Он любил это увлекательное, но опасное занятие. И когда камень, брошенный им, достигал цели, он был несказанно рад, но через некоторое время зуд доносительства снова овладевал им, и он писал и писал. Все это началось в суровое, но незабываемое время его молодости, в годы борьбы с нэпманами, кулаками, вредителями-спецами. Газеты того времени, надсаживаясь от каждодневных разоблачений организаций, групп, одиночек — всех тех, кто хотел вредить советской власти, печатали заметки сель- и рабкоров о происках недобитых врагов, их маскировке под попутчиков — строителей рабоче-крестьянского государства.

Учащийся сельхозтехникума в Смоленске Алеша Бондарев тогда понял и осознал, что в этой кутерьме можно помочь власти и соблюсти свой интерес. Он хорошо помнил свой первый донос. После окончания техникума в 1930 году его послали работать техником в город Драгобуж на льняной завод, где он удачно сочинил анонимное письмо в ОГПУ на

своего коллегу Николая Ивановича Стулова о его старорежимных высказываниях, что, мол, новая власть требует много, а платит мало (!), и что он, Стулов, не принял две партии льна, ссылаясь на его плохое качество; поэтому завод не выполнил план четвертого квартала.

Вскоре Стулова вызвали в район, потом отстранили от работы, а где-то через месяц он был выслан с семьей на Урал. Бондарев завидовал Николаю Ивановичу: у него была приветливая, миловидная жена и два сына-подростка, большой и теплый дом с хозяйством на окраине поселка. Но письмо в ОГПУ он написал не поэтому. Просто из любопытства — поверят ли власти безымянному тетрадному листу с намеренно искаженным почерком. Не ожидал — поверили! Правда, в поселке люди говорили, что якобы у Стулова брат раньше служил в царской полиции в Вологде, вот поэтому его как социально опасный элемент и выслали. Но начинающий доносчик знал, что у того не было никаких братьев, и теперь был уверен, что его «загрудный камушек» помог технологу уехать под конвоем на Урал.

Далее Алексей Михайлович уже стал совершенствовать свою работу в зависимости от обстоятельств: сочинял свои опусы от имени честных тружеников, сочувствующих партии, борцов за ленинскую правду и даже женщин, готовых рассказать о вредительстве у них на производстве. Его вдохновляла, грела и успокаивала сама идея безнаказанного доноительства, и постепенно он сам стал верить, что делает все правильно, а то, что сгущал краски, шулерствовал с фактами, — на то есть соответствующие органы, и они должны разобраться. Разрабатывая технику доноса, Бондарев подолгу сидел над своим произведением, любовно прилаживая все, что могло обвинить, очернить человека.

Только один раз получилась у него ошибочка, которая чуть не стоила ему карьеры, а может быть, и свободы. Крутое тогда было времечко: заканчивался 1938 год, и он, работая уже в секторе по охране гостайн, невзлюбил вновь назначенного заведующего отделом агитпропа — Романова. Все раздражало его в нем: и его складная фигура, хорошо посаженная голова с волнистыми светлыми волосами, всегда опрят-

ная одежда, но самое главное — умение говорить ярко, просто, доходчиво. Поговаривали, что он пришел якобы ненадолго — его намерены послать на учебу в Москву, — и что он является приемным сыном члена ЦК партии, известного партийца с самой гражданской, выходца из этих мест. Алексей Михайлович не поверил этим слухам и здорово ошибся. Романов оказался крепким орешком и собрать на него какие-нибудь «компроматы» было нелегко. Пришлось здорово потрудиться, и за полгода он собрал, как ему казалось по прошлым «камушкам», крепкий материал, что не замедлит сказаться на судьбе его «подопечного»! Он уже предвкушал, что вот-вот и свершится то, что было им задумано: любовно выпестованное дитя пойдет гулять в верхах, обрастая грозными резолюциями, указаниями, вернется в обком и вот тут-то и начнется!.. Бондарев уже потирал руки, но прошли все сроки возврата доноса — было тихо, томительно, нудно шло время, и ему уже хотелось кричать: «Чего вы медлите? ведь там все указано, все расписано?!» Он задыхался от злости и никак не мог понять, как это так: он потратил почти полгода, собирая все до мелочей, ходил на лекции советского и партийного актива, где выступал Романов, писал ему записки с каверзными вопросами, вел конспекты его выступлений, но зацепиться было не за что — все было по-советски и по-партийному правильно!

Очень везло этому главному агитатору обкома. Ему симпатизировало начальство, его обожали все секретарши и машинистки за его ясные, орехового цвета глаза, чистое, молодое одухотворенное лицо, холостяцкое положение, но он сумел себя поставить так, что ничто не прилипало к нему. Где бы он ни был, он вел себя просто, с достоинством и даже обкомовские старожилы, ревностно относившиеся к пришлым — чужакам, проявляли уважение, называя его по имени и отчеству. Так постепенно он вписался в обкомовский круг, стал привычной фигурой бесчисленных президиумов, конференций и прочих мероприятий. Хоть и везучий был Романов, но однажды и он допустил промашку. В одном из своих выступлений, попав в привычную колею оценок международного положения, заимствованных из различных

журналов политиздатовской кухни, передовиц центральных газет и, как правило, с большим опозданием их осмысления в провинции, он, воздав должное проискам международного империализма, по привычке добавил несколько осуждающих фраз о его передовом отряде — германском фашизме. Вот тут-то он и попался! Как это он не заметил, что уже полгода как исчезли с передовиц крупных и мелких газет обличения фашизма, приутихли страсти о его подготовке к войне, не было привычных репортажей о борьбе рабочего класса Германии и его вожде — пламенном коммунисте, томящемся в застенках, Эрнсте Тельмане.

И вдруг через какое-то время в передовой «Правды» черным по белому: происки империалистов готовятся в Лондоне и Париже, за спиной СССР они натравливают на него другие государства. Наш герой сразу же усек: германский фашизм не наш враг, значит, Романов допустил политический ляпсус — зачислил в число врагов и Германию! Алексей Михайлович обрадовался этой промашке и тут же в своем доносе развил мысль, что заведующий отделом преднамеренно публично извращает факты внешней политики партии и правительства. Когда он закончил писать и прочитал написанное, то, по его разумению, получалось, что Романов — это скрытый враг из числа последователей троцкистско-зиновьевского блока! Тщательно переписав текст от руки печатными буквами, он засунул его в конверт и, радостно вздохнув, опустил в ящик. Теперь осталось только ждать. Он ждал, но нетерпение охватывало его, как охотника в засаде! И вдруг он случайно узнает от сотрудницы учетного сектора обкома, старой девы Татьяны Васильевны, которая как-то симпатизировала ему, что из Москвы, из самого ЦК партии приехал инструктор и ведет расследование по анонимному письму на Романова. Бондарев похолодел, страх поразил его полностью. Ему сразу же захотелось куда-то бежать, скрыться от всех, затаиться. Мысли путались, его преследовало видение: он арестован, его сажают в тюрьму и отправляют в какой-то лагерь в Сибири, — он холодел от этих мыслей, все валилось из рук и только усилием воли он заставлял себя держаться на работе по-прежнему бодрым и молодцеватым.